

СКАЗКА ПЕРВАЯ,

в которой говорится о зеркале и его искажах

Ну, начнём! Вот дойдём до конца нашей сказки, тогда будем знать больше, чем теперь.

Жил-был тролль, злой-презлой — сущий дьявол! Как-то раз он был в особенно хорошем настроении, потому что смастерил зеркало, отражаясь в котором всё доброе и прекрасное почти исчезало, а всё плохое и безобразное, напротив, бросалось в глаза и казалось ещё отвратительней. Красивейшие виды, отразившись в нём, казались варёным шпинатом, а лучшие из людей — уродами; или же чудилось, будто люди эти стоят вверх ногами, а живота у них вовсе нет! Лица в этом зеркале искажались до того, что их нельзя было узнать, а если у кого на лице сидела веснушка, она расплывалась во весь нос или щёку.

Тролля всё это очень потешало. Когда человеку приходила в голову добрая, хорошая мысль, зеркало тотчас строило рожу, а тролль не мог удержаться от хохота, так он радовался своей забавной выдумке. Ученики тролля — а у него была своя школа — рассказывали о зеркале как о каком-то чуде.

— Только теперь, — говорили они, — можно видеть людей, да и весь мир, такими, какие они на самом деле!

И вот они принялись носиться по свету с этим зеркалом; и скоро не осталось ни страны, ни человека, которых оно не отразило бы в искажённом виде. Напоследок ученикам тролля

захотелось добраться и до неба, чтобы посмеяться над ангелами и Господом Богом. И чем выше они поднимались, тем больше кривлялось и корчилось зеркало, строя рожи, — трудно было в руках его удерживать. Всё выше и выше, всё

ближе к Богу и ангелам летели ученики тролля, но вдруг зеркало так перекоосилось и задрожало, что вырвалось у них из рук, полетело на землю и разбилось вдребезги. Разбилось оно на миллионы, биллионы, несметное множество осколков, а эти осколки наделали несравненно больше вреда, чем само зеркало. Некоторые осколки, крошечные, как песчинки, разлетаясь по белу свету, попадали, случалось, в глаза людям, да так там и оставались. И вот человек с осколком в глазу начинал видеть всё навыворот или замечать в каждой вещи одни лишь её дурные стороны, потому что в любом осколке сохранились все свойства целого зеркала. Другим людям осколки проникали прямо в сердце — и это было хуже всего: сердце тогда превращалось в кусок льда. Попадались между осколками и такие большие, что ими можно было бы застеклить оконную раму; но в окна с такими «стёклами» не следовало смотреть на своих добрых друзей. Иные осколки были вставлены в очки; но стоило людям надеть эти очки, чтобы лучше видеть вещи и вернее судить о них, как приходила беда. А злой тролль этому радовался и хохотал до рези в животе, словно от щекотки. И много осколков зеркала всё ещё летало по свету. Послушаем же про них.

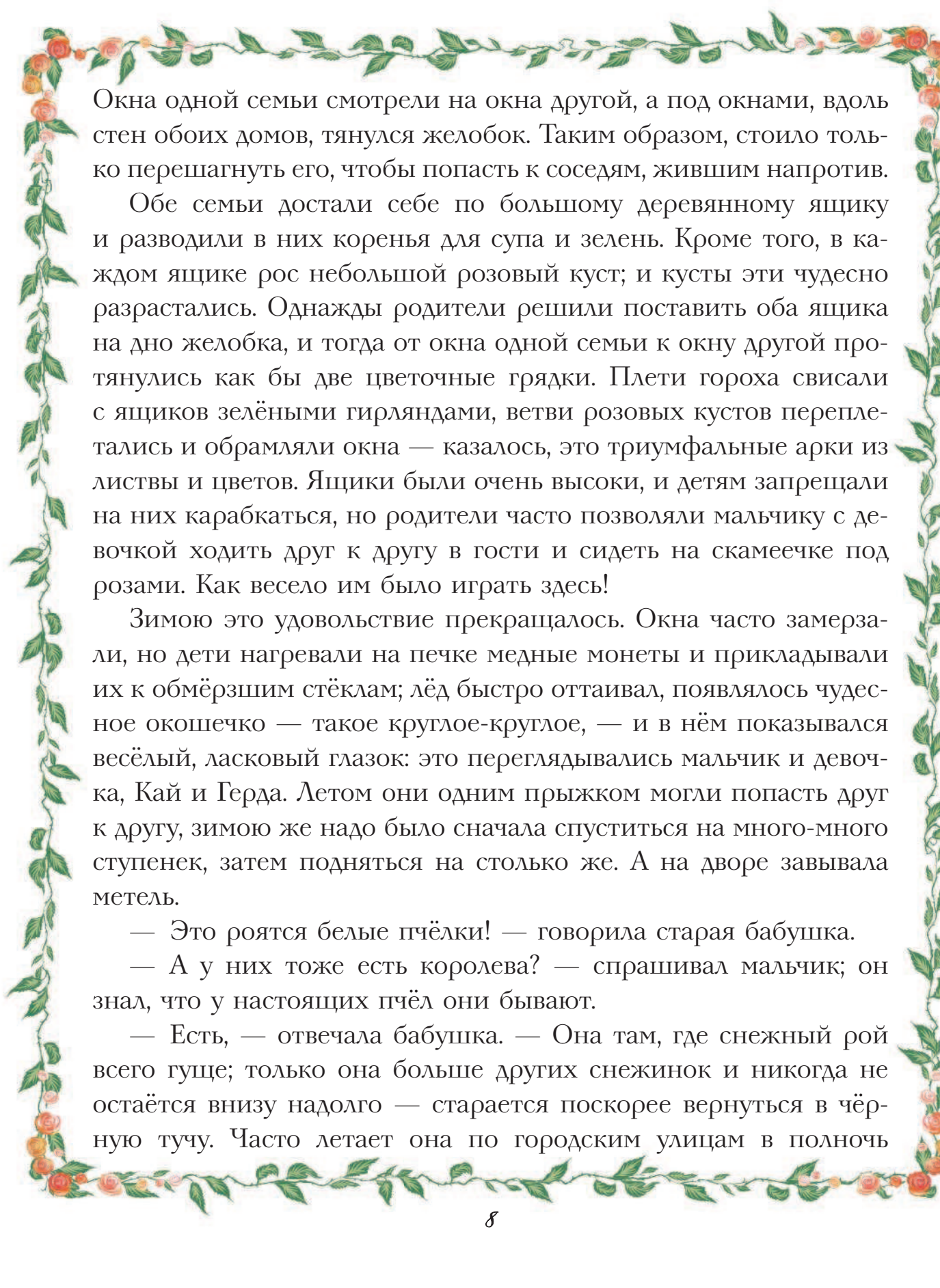
СКАЗКА ВТОРАЯ

Мальчик и девочка

В большом городе, где столько домов и людей, что не всем удаётся отгородить себе хоть уголок для садика и где поэтому очень многим приходится довольствоваться комнатными цветами в горшках, жили двое бедных детей, но их садик был побольше цветочного горшка. Они не были родственниками, но любили друг друга как брат и сестра.

Родители этих детей жили под самой крышей — в мансардах двух смежных домов, которые стояли так близко друг к другу, что кровли их почти соприкасались.

Окна одной семьи смотрели на окна другой, а под окнами, вдоль стен обоих домов, тянулся желобок. Таким образом, стоило только перешагнуть его, чтобы попасть к соседям, жившим напротив.

Обе семьи достали себе по большому деревянному ящику и разводили в них корни для супа и зелень. Кроме того, в каждом ящике рос небольшой розовый куст; и кусты эти чудесно разрастались. Однажды родители решили поставить оба ящика на дно желобка, и тогда от окна одной семьи к окну другой протянулись как бы две цветочные грядки. Плетви гороха свисали с ящиков зелёными гирляндами, ветви розовых кустов переплетались и обрамляли окна — казалось, это триумфальные арки из листвы и цветов. Ящики были очень высоки, и детям запрещали на них карабкаться, но родители часто позволяли мальчику с девочкой ходить друг к другу в гости и сидеть на скамеечке под розами. Как весело им было играть здесь!

Зимой это удовольствие прекращалось. Окна часто замерзали, но дети нагревали на печке медные монеты и прикладывали их к обмёрзшим стёклам; лёд быстро оттаивал, появлялось чудесное окошечко — такое круглое-круглое, — и в нём показывался весёлый, ласковый глазок: это переглядывались мальчик и девочка, Кай и Герда. Летом они одним прыжком могли попасть друг к другу, зимой же надо было сначала спуститься на много-много ступенек, затем подняться на столько же. А на дворе завывала метель.

— Это роятся белые пчёлки! — говорила старая бабушка.

— А у них тоже есть королева? — спрашивал мальчик; он знал, что у настоящих пчёл они бывают.

— Есть, — отвечала бабушка. — Она там, где снежный рой всего гуще; только она больше других снежинок и никогда не остаётся внизу надолго — старается поскорее вернуться в чёрную тучу. Часто летает она по городским улицам в полночь